

"Наверное, не будет, Долгопупс ненавидит Зельеварение. Я не знаю, почему он выбрал его в качестве предмета ЖАБА". сказал Риддл Гермионе, открывая дверь в голую каменную комнату. "Или, - задумчиво продолжил он, - как он вообще сюда попал. Должно быть, он умнее, чем кажется".

Гермиона заколебалась, но потом решительно шагнула вперед. Все любят Тома Риддла. Не будьте подозрительны. Однако ей не хотелось входить в дверь раньше него, и ей пришлось бороться с непреодолимым желанием драться-драться-драться-драться.

"Мы справимся и без него. Заваривать не так уж и сложно, если только все сделать вовремя", - спокойно ответила Гермиона, доставая учебник и морща нос от влажного запаха.

"Откуда ты так много об этом знаешь?"

"О, я варила, когда мне было тринадцать", - бездумно ответила она, продолжая копаться в сумке, и в ее голосе прозвучала нотка снисходительности, очень свойственная Гермионе Грейнджер, прежде чем она осознала, что сказала. ЧЕРТ.

"Когда тебе было тринадцать? Почему?" - спросил он, заинтригованный.

Прикрытие... ложь слетела с языка с удивительной легкостью.

Я увидела рецепт в "Зельеварении" - отцовском экземпляре - и подумала, что будет забавно превратиться в него и... э... пойти и напугать его. Но я все испортил и в итоге использовал вместо него кошачью шерсть. Это было ужасно - столько работы впустую". Не говоря уже о болезненном превращении обратно. Это тоже было ужасно; она никогда этого не забудет.

"Что случилось?"

"Ну, к счастью, он посчитал это довольно забавным", - сказала она и улыбнулась, вспомнив, как Дамблдор пытался отчитать ее в больничном крыле, радуясь, что второкурсник оказался таким умным. Гарри и Рон никогда не спрашивали, но ей пришлось соврать и сказать, что она сварила его "в качестве испытания". Мадам Помфри недолго оставалась в дураках, рассказывая о неудачной практике Трансфигурации. "Но я бы не советовала. Скорее, это жуткое и медленно действующее зелье для устранения повреждений. Но я сварил его идеально, так что он был мной доволен".

"Почему ваш отец решил не отправлять вас в Хогвартс?" спросил Риддл, с видимой легкостью превращая карандаш в верстак. Он притворялся непринужденным, но по тому, как он отвесил челюсть и сосредоточился на обустройстве комнаты, она поняла, что он очень заинтересован в ответе.

Она, конечно же, подготовилась, и хорошо отрепетированная ложь вышла легко.

Расплывчатый, умный Сердик; развитый, одинокий ребенок. Эта история была придумана еще до того, как она поступила в Хогвартс.

"Честно говоря, я не уверена. Я думаю, он просто забыл об этом, а потом привык учить меня сам".

Гермиона вспомнила тот мучительный год после своего одиннадцатого дня рождения, когда письмо и визит профессора МакГонагалл изменили ее жизнь. Она уговорила родителей немедленно отправиться на Косой Переулок. Конечно, сначала они купили все книги, и Гермиона проводила вечера, выходные и каникулы, изучая как можно больше заклинаний, пока ждала и дожидалась сентября. Она тихонько улыбнулась, вспоминая то чудесное время, когда все стало обретать смысл - когда она сама стала обретать смысл.

"Большую часть времени я читала книги и практиковалась, а потом, когда у меня что-то не получалось, шла и искала его. Мы очень разные - я нашла все учебники, которые есть у вас здесь, и пыталась следовать курсу. Я составляла для себя все эти планы уроков..."

Она научилась всегда лгать, когда это возможно, поэтому люди обычно верили ей, но не Рону или Гарри, которые были ужасными лжецами.

"Звучит идиллически".

Она уловила нотки тоски в его голосе и решила, что, возможно, так оно и есть, по сравнению с приютом. И ему бы понравилась мысль о том, что рядом нет других детей.

"Я был очень одинок, оглядываясь назад. Я рос, не имея друзей своего возраста". Не ложь. Печально. "Нам лучше начать".

Гермиона разожгла под котлом один из своих фирменных костров из голубых колокольчиков, а Риддл принялся считать мух-журчалок. Некоторое время они работали молча, и Гермиона надеялась, что рассказала о своей жизни достаточно скучно, чтобы не вызывать лишних вопросов.

Странно, но впервые она расслабилась в его присутствии. Возможно, ее успокоил сам контакт: он явно не собирался тащить ее за собой и мучить по своей прихоти.

"А что насчет тебя?" - наконец спросила она, не в силах сдержать любопытство. Ей всегда было интересно, что он говорил людям в школе, как заставлял их следовать за собой, как показывал, что он не магглорожденный. "Где вы выросли?"

"В магловском приюте, - просто ответил он. "Я ничего не знал о магии, пока не попал сюда. Моя мать была ведьмой, но она умерла сразу после того, как мы назвали меня, - она была очень больна. Я понятия не имею, кем был мой отец.

Потому что он был уже мертв - убит, о чем свидетельствовало черно-золотое кольцо, гордо красовавшееся на левой руке сына. Она слегка вздрогнула. Правда сочеталась с ложью, и он постарался, чтобы она не подумала, что он магглорожденный.

"Это не могло быть очень весело. Не могли бы вы передать весы?"

"Большинство людей здесь понятия не имеют, что такое приют. Похоже, в мире волшебников их не существует". Он выглядел подозрительно. Нехорошо.

"Ну, я много читаю. У нас дома есть магловские книги. Ну, знаешь. Чарльз Диккенс, и все такое".

"Как эксцентрично. А как вы связаны с Дамблдором?"

И вот оно. Именно это он и хотел узнать, поэтому и рассказал ей немного о себе. Он был удивительно прозрачен.

"С Дамблдором? Почему вы спрашиваете?"

"Я слышала, что он учит вас вне уроков и всегда останавливается поговорить с вами в коридорах. Вы кажетесь... дружелюбными".

Кто-то крался поблизости. Она неловко подумала о кристаллизованном ананасе. Может быть, это был не тот день, когда он задумался о том, что семь Крестражей - хорошая идея.

"Все интересовались тобой, - продолжил он, поднимая взгляд от верстака и одаривая её улыбкой, которая, вероятно, должна была быть ободряющей.

"Он мой кузен, но он также хороший друг моего отца", - сказала она, делая вид, что отвлеклась на чистку котла. "Он начал давать мне уроки этим летом - это его идея, чтобы я наконец пришла в школу".

"Повезло тебе".

На его лице промелькнула ревность, которую заглушила улыбка, не сходявшая с его глаз. Гермиона чуть не пропустила это мимо ушей, но не пропустила, и его вопросы стали обретать смысл.

Ему не было дела до её происхождения. Он хотел знать, почему Дамблдор, который относился к ней с холодностью и подозрением с момента их первой встречи, решил взять ее под свое крыло.

Он хотел знать, что делает ее особенной, и это не могло быть хорошо.

<http://tl.rulate.ru/book/114689/4448111>